

Это была старая история о его сильной поддержке в прошлом. Теперь он стал объектом насмешек, его недолюбливали тифози, а достижения, накопленные в период переходов между командами среднего и нижнего уровня, тоже были весьма скромными.

Если новый спонсор собирался реформировать команду со следующего года, это означало, что его имя окажется в самом верху списка на вылет. Даже если другая сторона сама хотела встретиться, он не мог позволить себе отказаться.

После простого досмотра они поднялись на этаж, где восемь лифтов непрерывно приходили и уходили, и Дэниел наконец осознал реальность.

Сдавшись, он скрестил руки, а Мартин, передавший ему пропуск посетителя, нажал кнопку лифта.

— Шестьдесят пятый этаж. Сюда.

— Подождите секунду.

В-в-в. В-в-в-в.

Телефон в кармане долго вибрировал. Затем на экране высветилось имя Наоми Меркури, и выражение лица Дэниела резко изменилось.

Она была из тех, кто не станет звонить без серьёзной причины.

При одном лишь упоминании имени, которое он не мог проигнорировать, у Дэниела сжалось сердце. Он без раздумий ответил.

— Наоми?

[¡Buenos días, Дэниел!]

Яркий голос, раздавшийся из динамика, будто вытянул из него последние силы.

Дэниел почувствовал, как темнота перед глазами снова сменяется светом.

— Что случилось в такое время?

[Ты ещё спрашиваешь? Я видела статьи, там полный хаос. Что-то не так с командой? Она же не банкротится, правда?]

— Если это говоришь ты, Наоми, это ещё сбудется, не накликай. Какое ещё банкротство...

И в этот момент...

Стоило дверям лифта открыться, как Дэниел забыл, что собирался сказать.

Внутри уже кто-то был. Высокий, красивый блондин, изящный, как струны арфы, отступил в сторону, заметив Дэниела. Он был настолько нелепо красив, что Дэниел на секунду забыл о телефоне и просто уставился на него.

Он актёр, который зашёл на съёмку?

Но ведь ещё слишком рано, разве нет?

Мужчина был столь безупречен, словно шоколад, политый кофейным сиропом. Его глубокие кобальтово-синие глаза, напоминавшие боливийское озеро, были настолько чистыми, что, казалось, очищали сам воздух вокруг.

Прямой нос, переходящий в резкую линию челюсти, плавной дугой поднимался над полными губами, притягивая взгляд, словно чёрная дыра.

— Вы заходить будете?

Мужчина, державший кнопку открытия лифта, подал голос, возвращая его в реальность.

Краткое восхищение его внешностью, лишившее Дэниела чувства времени, оказалось недолгим.

Он запоздало кивнул в знак благодарности и шагнул внутрь. Двери лифта бесшумно закрылись.

[Дэниел?]

— Извини. Я просто зашёл в лифт.

[Ничего. Главное — ты уже встретился со спонсором? В статье пишут, что это Алек Уокер, это он?]

— Ты позвонила только ради этого? Обидно. Я волновался, вдруг что-то случилось, раз ты звонишь после такого долгого времени.

[С точностью до наоборот. Есть ли в мире ещё кто-то, кто так же сильно переживает за меня, как ты, Дэниел? Ты встретился со спонсором компании? Был ли разговор о контракте на следующий год?]

— Нет. Я ещё не встречался со спонсором. Я как раз собираюсь с ним встретиться, но одно ясно точно. Это ублюдок, который с самого утра выводит меня из себя.

[О боже.]

— Он заставляет меня мотаться туда-сюда с самой первой встречи, это ужасно раздражает.

Дэниел ворчал, но всё же запомнил имя Алек Уокер, которое только что прозвучало.

По мере того как лифт стремительно поднимался, мост, перекинутый через реку, превращался в кубики LEGO. Люди внизу были буквально размером с песчинки. Не начинают ли люди чувствовать, что чужое время ничего не стоит, если каждый день работаешь на такой высоте? Наверняка он думает, что люди просто приходят, когда он зовёт, и уходят, когда он велит.

Дэниел твёрдо решил сказать ему об этом при встрече.

Конечно, он не мог разозлиться в открытую, так что придётся намекнуть: такие внезапные вызовы в середине сезона мешают гонке. А если он всё равно не поймёт?

Тогда у него не останется выбора, кроме как сказать прямо.

[Ты злишься, да?]

— Да, ну... Похоже, спонсор не понимает цены времени. Наверняка он считает, что у всех

остальных столько же свободного времени, сколько у него.

[Тогда всё в порядке. Если у тебя ещё остаются силы злиться, я не буду волноваться. Я давно не слышала, чтобы ты так ворчал.]

Тёплый голос ещё немного задержался в его ушах и затих.

Думая о ней — вероятно, сейчас она, окружённая личными стилистами, смеётся, как нимфа, пока ей делают макияж, — Дэниел тоже едва заметно усмехнулся.

63-й этаж. Скорость лифта заметно снизилась.

65-й этаж. Прозвучал сигнал, двери открылись.

Они прибыли. Но никто не вышел.

—

— Что такое, Мартин?

[А? Что ты сказал?]

— Нет. Наоми. Я разговаривал с другим человеком. Извини, я сейчас занят, перезвоню позже.

[Хорошо. Береги себя, Дэниел.]

— И ты тоже, Наоми.

Закончив разговор, Дэниел почувствовал странное беспокойство. Секретарь, который всё утро выдавал только роботоподобные ответы, с какого-то момента смотрел на него растерянным взглядом.

Если точнее — на него и на мужчину, стоявшего позади.

...На мужчину, стоявшего позади него?

Дэниел понял это с опозданием. Лифт ни разу не останавливался по пути на 65-й этаж. Мужчина, который ехал вместе с ним, тоже не выходил и всё это время оставался в кабине лифта.

На панели лифта не горело ни одной кнопки. Это означало, что он не забыл выйти — он изначально собирался выйти на том же этаже.

На мгновение по спине Дэниела пробежал холодок.

— Мистер Дэниел Линдберг.

—

Мужчина, от одного присутствия которого любое место превращалось в сцену — будь то старинный оперный театр или университетская музыкальная аудитория, — взглянул на Дэниела и вышел первым.

Это была очень холодная улыбка. Ядовитая, с едким изгибом губ.

— Я Алек Уокер. Пойдёмте.

Он даже проявил «любезность», придержав кнопку, чтобы двери лифта не закрылись.

В ситуации, где вопрос «Кто вы вообще?» не имел ни малейшего смысла, Дэниел понял: пути к отступлению нет.

Если вы считаете своё время ценным, значит, должны понимать, что чужое — тоже. Те слова, которые он прокручивал в голове, собираясь сказать ему в лицо, исчезли так же быстро, как облака после дождя. Мозг будто выскоблили до стерильной пустоты, и он не мог выдавить из себя больше ни одной мысли.

Вынужденный отступить, Дэниел вышел из лифта так медленно, словно на щиколотках у него были кандалы. На 65-м этаже быстро воцарилась удушающая тишина.

Они смотрели друг на друга примерно десять секунд.

— Спасибо, что проделали такой путь. И...

—

— Раз уж раздражающий спонсорский ублюдок всё же хочет что-то сказать, можете заходить, когда будете готовы.

Новый источник денег команды, наконец, нанёс короткий, резкий удар «раз-два» и исчез за дверью офиса.

—

—

Что вообще только что произошло?

Оставшийся позади Дэниел даже забыл, как дышать, просто уставившись туда, где тот стоял.

Простояв так какое-то время в оцепенении, он осознал это лишь позже, когда Алек Уокер окончательно исчез: это и было сегодняшнее поле боя.

Что ещё можно назвать местом, где выживание зависит от того, как ты лавируешь между повсюду расставленными минами и ведёшь тяжёлую оборонительную войну, если не полем боя?

Более того, была назначена встреча, а противник — спонсор, вооружённый мощнейшим оружием: деньгами.

— ...Этот человек сейчас... только не говорите, что...

— Да.

Мартин кивнул.

— Он генеральный директор, мистер Алек Уокер.

Дэниел тихо усмехнулся.

Формула-1 — спорт, который строго подчиняется капитализму. Здесь покупают технологии за деньги и продают их, выдавая за мастерство, а слово спонсора порой становится законом, куда более страшным, чем сами правила.

Поэтому Дэниел Линдберг уже должен был вступить в тяжёлую битву с новым спонсором. План назывался «Операция: благоприятное впечатление», а его цель — «продление контракта».

Но с самого начала он не только не приступил к выполнению — он уже успел устроить инцидент.

Он каждый день сражался на трассе, где победа никогда не гарантирована, но даже так можно было по пальцам пересчитать моменты, когда он чувствовал подобное головокружение.

Он ничего не ел, но желудок сводило так, словно он был набит жирной пищей.

«Я влип».

Смогу ли я вообще сегодня вернуться домой целым?

Это была бы торжественная фраза солдата низкого ранга перед великой битвой, но она идеально подходила к его ситуации. И от этого становилось только хуже.

□

До офиса Алека Уокера было всего двадцать шагов.

Но чтобы пройти эти двадцать шагов, требовалась смелость иного рода, чем та, что нужна, чтобы выжать максимум из гоночного болида на скорости 300 км/ч.

— В приветствиях нет необходимости.

Алек Уокер, которого он увидел снова, напоминал европейский замок. Тяжесть, давящая на тех, кто смотрит снизу; шпилеобразная острота; достоинство, рождённое древними каменными стенами и крепостями.

Этот человек, словно воплощение объекта культурного наследия, напоминал многогранный игральный кубик.

В солнечном свете, пробивающемся сквозь жалюзи, он выглядел как предприниматель; когда закончил подписывать документ и отложил ручку — как банкир. Но стоило ему поднять голову и встретиться взглядом, как проявлялась иная сторона.

Прирождённый правитель и педантичный магистрат.

<http://bllate.org/book/17841/1705998>